

Виталий Куренной

**Мерцающая диктатура:
Диалектика политической системы современной России**

(Куренной В. Мерцающая диктатура: диалектика политической системы современной России // Левая политика. 2007. № 1. С. 17-24)

Что представляет собой политическая системы, сложившаяся в современной России? Какова её структурная политическая сущность?

Первым делом необходимо определиться с выбором языка политической теории, с помощью которого могут быть сформулированы аналитические выводы, о сути данного политического момента. Здесь будет использован язык политической теории раннего Карла Шмитта. Именно его понятийный аппарат, на наш взгляд, позволяет продуктивно (аналитически, а не *идеологически*) фиксировать некоторые особенности современной российской политической ситуации. В этом не следует видеть влияние запоздавшей российской моды на Шмитта, хотя она, конечно, сама по себе также не случайна. Можно сослаться на Джорджио Агамбена, заметившего, что именно Шмитт верно уловил одну из основных особенностей политической эпохи, наступившей после Первой мировой войны и продолжающейся до настоящего времени¹. Эта особенность состоит, согласно Агамбену, в нарастающей интенсивности режима «чрезвычайного положения»:

«Парадигма чрезвычайного положения оказывает такое давление, что вся политико-конституционная жизнь западных обществ все больше начинает принимать новую форму, которая, пожалуй, только в наши дни приобретает свои полные очертания»²;

«... она [машина чрезвычайного положения — В. К.] продолжает функционировать почти безостановочно — начиная с первой мировой войны, в эпоху фашизма и национал-социализма и так до настоящего времени. Но только в наши дни чрезвычайное положение получило всемирное распространение. Нормативный аспект права может быть безнаказанно обесценен; наперекор ему может выступить власть правительства, которая за границей игнорирует международное право, во внутренней политике вводит перманентное чрезвычайное положение, а потом делает вид, что все еще использует право»³.

Современный политический процесс в России также находится в русле этой *общей* тенденции. Для того чтобы проиллюстрировать, насколько российская ситуация не специфична, еще раз процитируем Агамбена:

«Это означает, что демократический принцип разделения властей сегодня потерял свое значение и что исполнительная власть фактически поглотила законодательную, по крайней мере — частично. Парламент больше не является суверенным органом, которому принадлежит исключительная власть устанавливать законы для граждан. Парламент ограничивается тем, что ратифицирует распоряжения, обнародованные исполнительной властью. С

---

¹ Речь идет, точнее говоря, вообще о специфике «общества модерна», возникшего в период Великой французской революции. Но наиболее отчетливо и повсеместно эта специфика начала проявляться, как считает Агамбен, только после первой мировой войны.

² *Agamben G. Ausnahmezustand.* Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2004. S. 21.

³ *Op. cit.* S. 102.

технической точки зрения, республика является теперь не парламентской, а правительственной (*gouvernemental*). При этом весьма примечательно, что такого рода изменения конституционного порядка, которые в настоящее время с разным размахом протекают во всех западных демократиях, остаются совершенно незамеченными гражданами, хотя они прекрасно осознаются юристами и политиками. Именно в тот момент, когда западная политическая культура стремится преподать другим культурам и традициям урок в вопросах демократии, она не отдает себе отчета в том, что она полностью утратила мерило в этих вопросах»⁴.

Разумеется, российская ситуация не лишена определенной специфики. Весь тот комплекс явлений современной российской политики, который стало привычно описывать в понятиях «свертывания демократических преобразований», «возврата к авторитаризму», «удушения свободы слова» и т.д., следует квалифицировать, в категориях Шмитта, как *диктатуру президентской власти в современной России*. Эта диктатура, однако, в отличие, например, от римского института диктатуры, имеет не легальный, а лишь фактический характер. Фактически установившийся порядок молчаливо одобряется со стороны значительной части российского общества⁵. Исполнительная власть за время правления В.Путина создала систему, при которой другие институты, призванные выполнять роль сдержек и противовесов, оказались выстроены так, чтобы не препятствовать диктаторскому режиму ее функционирования.

Впрочем, определив сложившуюся политическую систему как диктатуру, мы не слишком далеко продвинулись. Вопрос в том, с каким типом диктатуры мы имеем дело? У Шмитта можно найти различие между *комиссарской* и *суверенной* диктатурой. Цель комиссарской диктатуры — устранение помех, препятствующих функционированию официально провозглашенного порядка, создание условий, при которых неработающая конституция сможет заработать. Это диктатура на время и с четко определенными техническими задачами. Подобный вид диктатуры широко распространен в так называемых демократических обществах, к ней не раз прибегали, в частности, президенты США. Здесь комиссарская диктатура — это недемократический способ защиты демократии или, формулируя иначе, внеконституционный способ защиты конституции:

«Акция диктатора должна привести к такому состоянию, при котором право может быть осуществлено, поскольку любая правовая норма предполагает нормальное состояние в качестве гомогенной среды, в котором она действует»⁶.

Смысл и мотивация суверенной диктатуры в понимании Шмитта состоит совершенно в другом:

---

⁴ Op. cit. S. 26-27. Ср. также: «Своеобразным индикатором этой динамики баланса отношений властей может служить авторство законодательных инициатив – то есть соотношение законопроектов, внесенных самими парламентариями (индивидуально или коллективно), и законопроектов, представленных на рассмотрение парламента исполнительной властью (правительством). Как показывает опыт США, за последние сто лет пропорция изменилась однозначно в пользу исполнительной власти, взявшей верх над законодательной (примерно 90% против 10%). И это несмотря на все вербальные атаки американских консерваторов и неолибералов, направленные против «большого правительства». Естественно, это легко объяснимо так называемым концом политики в традиционном смысле слова – правление сменилось управлением» (*Кильдюшов О.* Борьба за перераспределение // Политический журнал. № 116. 13 июня 2006 [<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&issue=164&tek=5831&dirid=67>]).

⁵ Это высказывание имеет эмпирическое содержание ровно настолько, насколько можно верифицировать утверждение о том, что «общественное мнение» «поддерживает» действия президентской власти.

⁶ *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. С. 158.

«Суверенная же диктатура весь существующий порядок рассматривает как состояние, которое должно быть устранено ее акцией. Она не приостанавливает действующую конституцию в силу основанного на ней и, стало быть, конституционного права, а стремится достичь состояния, которое позволило бы ввести такую конституцию, которую она считает истинной конституцией. Таким образом, она ссылается не на действующую конституцию, а на ту, которую надлежит ввести»⁷.

Можно упомянуть ещё ряд отличий. Например, срок полномочий комиссарской диктатуры должен быть точно определен той задачей, которую она призвана решить; диктатор-комиссар не имеет права назначать преемника, наконец, он не имеет права создавать законы (в нашем же случае этот процесс фактически находится в ведении российской президентской власти). Если принять в соображение перечисленные признаки, то ясного ответа на вопрос о том, с какой диктатурой мы имеем дело в современной России, получить, на мой взгляд, не удастся. Иными словами, в формально-техническом смысле *современное политическое состояние России является неопределенным*, поскольку установившийся порядок можно трактовать и как комиссарскую, и как суверенную диктатуру. Это мерцающая диктатура.

Именно эта неопределенность породила своеобразный раскол группы, которая в девяностые годы выступала сравнительно единой базой правящего режима. Часть «либерально» настроенного российского сообщества, которая оказала поддержку политике Путина, интуитивно видела в ней пример комиссарской диктатуры, тогда как оппозиционно настроенная часть этого же сообщества подозревает ее в скрытой суверенно-диктаторской тенденции. Если, однако, считать решающим аргумент о сохранении конституции, а в настоящий момент это, прежде всего, вопрос о сроках пребывания президента у власти, то более обоснованной является первая позиция.

Авторитаризм нынешней власти отнюдь не является каким-то особым российским феноменом, он прекрасно укладывается в практику, известную нам из истории западных «развитых демократий», лежит в русле общей тенденции современных обществ, зафиксированной, в частности, Агамбенем. Отличие состоит, пожалуй, лишь в том, что нынешняя российская власть действует грубо. Только обучаясь отладке механизмов господства, она еще не посвящена во все «политические арканы», или тайные приемы власти. Например, уже автор начала XVII в. — Арнольд Клампар — в качестве одного из «арканов власти» (*arcano imperii*) приводит, например, такой: необходимы свобода слова и печати, «допускающие многошумное, но в политическом отношении незначительное участие в жизни государства»⁸.

Завершая эту тему формальной специфики сложившего политического режима, затронем еще одну характерную его особенность. Поскольку сложившаяся система диктаторской власти является нелегальной, это накладывает специфический отпечаток на тактику ее действий. *Власть слаба и неуверенна в себе*. Наиболее отчетливо эта ее черта проявляется в том, что на решительные действия внутри страны она идет только тогда, когда может мотивировать эти действия *чрезвычайным положением* (или ситуацией, близкой к чрезвычайному положению), *складывающимся под воздействием внешней агрессии*. Только в этой ситуации власть рискует выступать в роли суверена *внутри страны*. Напомню, что распоряжение о переходе к практике назначения губернаторов появилось лишь после того, как президент после событий в Беслане во всеуслышание объявил о том, что страна находится в состоянии «войны». В таком же ключе осуществляется даже реформирование рынков спиртной продукции и розничной рыночной торговли: и в том, и в другом случае создается впечатление, что речь идет о мерах, принимаемых в ответ на действия «внешнего» агрессора (например, утверждается, будто Грузия в отношениях с

⁷ Шмитт. Там же.

⁸ Цит. по: Шмитт. Указ. соч. С. 33.

Россией прибегла к политике «государственного терроризма» и т. д.). Таким образом, конфликтные ситуации со странами ближнего зарубежья, в которые в последнее время нередко оказывается вовлечена Россия, уместнее рассматривать как удобный для действующей власти *инструмент решения внутренних вопросов*, а не как проявление какой-то туманной «имперской психологии». Эта же неуверенность, кстати, объясняет и тотальный страх, выражающихся в полном контроле над телевидением.

Язык суверена

Диктатура (если смотреть на неё с точки зрения политической теории, а не обыденного сознания) отличается от произвола и деспотизма тем, что она, во-первых, сохраняет определенную связь с правом⁹, а во-вторых, имеет определенную цель. Эта цель — некоторое положение дел (*Sachverhalt*), которое необходимо достичь, подчинив этой целесообразности все прочие элементы политической системы. Увы, установление режима диктатуры в России не сопровождалось формулировкой ясной конечной цели. Да подобного и не могло произойти в силу не легального, а только фактического характера этой диктатуры. В результате, цель модифицировалась уже на ходу, испытывая влияние тех эффектов, которые сама эта система породила как побочные следствия своего собственного функционирования. Причем важнейшим из них является именно тот политический язык, который вынуждена был сформулировать для себя современная российская политическая система.

Если содержательно описать эволюцию, которая проделала российская власть в начале нынешнего столетия, то она проходит от смутной цели построения либерального экономического общества, доставшейся в наследие от эпохи Бориса Ельцина, до системы, которую можно определить как *государственный капитализм*. Разумеется, и в том, и в другом случае речь идет о рыночной, капиталистической системе. С этой точки зрения действующая сейчас в России политическая власть является чистой комиссарской диктатурой, целью которой является выстраивание социально-политической и экономической системы, функционирующей на принципах капиталистического хозяйствования. Однако нюансы здесь более важны, чем этот очевидный вывод.

Западный, рыночный и демократический выбор постоянно подчеркивается как президентом, так и идеологами действующей власти самого разного уровня. Но 1990-е гг. со всей очевидностью показали, что этот выбор, не подкрепленный соответствующим улучшением качества жизни, встречает противодействие у большинства населения страны. Сюда относятся как «рядовые» избиратели, так и, например, такие влиятельные группы, как академическое и образовательное сообщество. Естественное решение этой проблемы заключалось в том, чтобы установить комиссарскую диктатуру, которая должна создать условия, при которых рыночная, «либерально-демократическая» система получала бы возможность функционировать без тех экстренных мер спасения, к которым регулярно приходилось прибегать первому президенту РФ. Проблема в том, что провозглашенную цель не приемлют значительные и влиятельные социальные слои. Не удивительно, что важнейшим источником поддержки, в том числе и моральной, становится «Запад», западное общественное мнение. Изначальная проблема, с которой имеет дело современная российская власть, — это не раскол между ней и «внешним» миром, а *раскол внутри страны*, который пролегал как по политической линии «власть — избиратели», так и по новой, все более ясно проступающей социально-экономической линии «богатое меньшинство — бедное большинство».

Социально-экономическая запрограммированность на принадлежность к той или иной группе и, соответственно, тому или иному потолку возможностей осознается, пожалуй, лишь представителями молодого поколения, не имеющими советского культурного и

---

⁹ Так считает Шмитт, но отрицает, опираясь на Вальтера Беньямина, Джорджи Агамбен.

идеологического опыта. У людей, выросших в рамках советской системы, слишком высока инертность эгалитаристского сознания равенства. Парадоксальным образом, эта психологическая инерция советской эпохи работала на стабилизацию нового порядка. Девяностые годы, когда совершались самые немыслимые карьеры, могли только укрепить иллюзию того, что «у каждого есть свой шанс», надо только суметь им воспользоваться. Лишь в настоящее время, когда сложившаяся система приобрела социально-экономическую инертность, может начаться процесс кристаллизации политических позиций, соответствующих реальному положению и возможностям отдельных социальных групп.

Главная проблема власти состояла в том, чтобы заручиться поддержкой внутри страны, где значительная масса населения ни разделяет ни её целей, ни провозглашенных ею ценностей. На практике это вылилось в следующий комплекс действий: 1) отказ от либерально-демократической риторики, 2) перевод политической системы в диктаторский режим функционирования (что означало приостановку демократического политического процесса и решение проблемы централизации власти), 3) попытки решения комплекса неотложных социальных проблем применительно к влиятельным социальным группам (комплекс т.н. «национальных проектов»).

В какой мере удалось реализовать каждую из этих задач — вопрос отдельный, но результат, в частности, заключался в том, что действующий политический режим оказался под огнем критики, прежде всего, той самой группы, на поддержку которой он мог бы рассчитывать, — значительной части «либеральной» российской общественности, западного общественного мнения, а также тех общественных институтов, которые оказывают на это мнение значительное влияние (различные неправительственные организации)¹⁰. Такова парадоксальная диалектика российской политической системы.

Процесс концентрации и централизации власти, необходимый как *средство* реализации экономических и политических задач диктатуры¹¹, привел к возникновению новых эффектов, оказывающих сильнейшее влияние на дальнейший ход «модернизации».

Особенно явственно эта диалектика проступает на примере политического языка, которым пользуется власть. Ещё Гоббс в своей политической теории показал значение языка политики и, пользуясь современной лексикой, пропаганды (напомню, для справки, что впервые перевод «Левиафана» Гоббса вышел в свет на русском языке в 1936 году¹²).

По мнению Гоббса «величайшее благодеяние, которым мы обязаны речи, заключается в том, что мы можем приказывать и получать приказания, ибо без этой способности была бы немыслима никакая общественная организация среди людей, не существовало бы никакого мира и, следовательно, никакой дисциплины, а царил бы одна дикость. Без языка люди бы жили одиноко, каждый из них замыкался бы в себе и не общался с другими»¹³. Иными словами, язык предназначен для того, чтобы служить опорой государству, в котором порядок основан на приказе и безусловном исполнении приказов (что соответствует и идеальной модели диктатуры). Для реализации этого порядка необходимо, однако, чтобы употребляемые слова были однозначны и не допускали

---

¹⁰ Следует, правда, попутно заметить, что реальные политики на Западе демонстрируют намного больше сдержанности и понимания данной сложной ситуации российской власти.

¹¹ Здесь мы не будем специально задерживаться на этом вопросе, но можно показать, что по своей структуре та система власти, которая выстраивалась на протяжении последних лет, организационно отстраивается под механизм функционирования диктатуры. В первую очередь, речь идет о нескрываемом *технократизме* действующей политической системы. Он выражается в ориентации на «профессионалов» и, соответственно, в отстранении от рычагов власти «болтунов» (т.е. носителей политического высказывания), «политических» предпринимателей и т.д. Одна из важнейших ипостасей технократизма — узкая экономическая рациональность, проявляющаяся в языке и стратегических ориентирах действующей власти («удвоение ВВП»). Такого рода моменты предполагают, в конечном счете, выстраивание механизма, который должен идеально отрабатывать команды после нажатия пусковой кнопки на центральном пульте.

¹² Перевод 1864 года был конфискован цензурой.

¹³ Гоббс Т. Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1989; С. 234.

множественного толкования. Херфрид Мюнклер резюмирует это теорию семантического суверенитета Гоббса, перефразирует известное определение суверена Карла Шмитта: «Суверен — это тот, кто принимает решение относительно семантического содержания политических понятий»¹⁴.

Началось с того, что по отношению к событиям в Чечне на всех центральных телеканалах перестало употребляться понятие «война», но лишь «антитеррористическая операция». Однако далее разворачивающийся процесс выстраивания структуры диктаторской власти привел к тому, что общественное мнение, прежде всего западное, поставило действующую российскую власть в невыносимое положение обвиняемого во всевозможных грехах: возврат к тоталитаризму, удушение свободы слова и проч. и проч. Социальный раскол в российском обществе, который требовалось преодолеть, превратился в раскол между Россией и западным общественным мнением, естественной, напомним, референтной группой действующей власти. Но система диктатуры, наращивающая потенциал своего суверенитета, не допускает двусмысленности. Так сложилась целая система понятий публичного политического языка власти, получивших новое семантическое наполнение. Фрагмент этой системы можно представить, например, в виде такого словника (слева: слова «западного» лексикона, справа: их российский политический эквивалент):

демократия — приход к власти популистов
конституционный федерализм — раскол страны
права человека — скрытая поддержка террористов
неправительственные организации — агенты враждебного западного влияния
экономическое партнерство — выкачивание наших ресурсов
независимые СМИ — орудие олигархической борьбы с существующей властью
и т.д.

Между российским и западным политическим языком буквально воспроизвелась ситуация, которую Гоббс описывает применительно к античному и современному ему западному языку политики. В силу примечательности данной цитаты, а также чудесной легкости ее перефразирования применительно к проблеме отношений между западной «теорией» и российской «действительностью» приведем ее здесь в развернутом виде:

«... люди легко вводятся в заблуждение соблазнительным именем свободы и по недостатку способности различения ошибочно принимают за свое прирожденное и доставшееся по наследству право то, что является лишь правом государства. А когда эта ошибка подкрепляется авторитетом тех, чьи сочинения по этому вопросу пользуются высокой репутацией, то не приходится удивляться, что это приводит к мятежу и государственному перевороту. В западных странах привыкли заимствовать свои мнения относительно установления и прав государств у Аристотеля, Цицерона и других греков и римлян, которые, живя в демократических государствах, не выводили эти права из принципов природы, а переносили их в свои книги из практики собственных демократических государств, подобно тому как грамматика составляли правила языка на основе современной им практики, а правила стихосложения — на основании поэм Гомера и Вергилия. И так как афиняне поучали (чтобы удержать их от стремления к изменению форм правления), что они свободные люди и что все живущие при монархии рабы, то Аристотель пишет в своей "Политике" (книга 6, глава 2): "Демократия предполагает свободу, ибо считается общепринятым, что никто не свободен при ином образе правления". И подобно тому как Аристотель исходил из практики Афинской республики,

---

¹⁴ *Münkler Herfried*. Tomas Hobbes. Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2001. S. 78.

Цицерон и другие писатели основывали свои учения на мнениях римлян, которым внушали ненависть к монархии сначала те, кто свергли своего суверена и поделили между собой верховную власть над Римом, а затем их преемники. Благодаря чтению греческих и латинских авторов люди с детства привыкли благосклонно относиться (под лживой маской свободы) к мятежам и беззастенчивому контролированию действий своих суверенов, а затем к контролированию и этих контролеров, вследствие чего было пролито столько крови, что я считаю себя вправе утверждать, что ничто никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков»¹⁵.

Возвращаясь к российской ситуации, необходимо подчеркнуть, что формирование нового политического языка было отнюдь не (или, по крайней мере, не только) целенаправленным результатом действия власти. Самоцензура современного российского общества, к сожалению, опережает реальную цензуру власти, примеров чему в настоящее время можно привести великое множество. Формирование нового политического языка — это во многом спонтанный процесс, который, помимо прочего, продолжает выполнять социально-терапевтическую функцию: он *подменяет внутренние проблемы российского общества проблемами внешнеполитического характера*.

Результат этого процесса проявляется, например, в том, что общественность начинает наперебой предлагать власти изоляционистские проекты один экзотичнее другого (достаточно вспомнить ту же «Крепость Россию»). Машина языка уже принудительно направляет политическое мышление в русло проведения различия и конституирования «очевидного» факта российской самобытности, что манифестируется, в частности, в появлении такой идеологической диковинки как «суверенная демократия»¹⁶. Если создается новый политический язык, то он таким образом переформатирует реальность, что этой реальности остается только подтверждать правомочность использования нового языка. До настоящего времени, правда, российская власть вполне готова общаться с окружающим миром, и даже охотно растолковывает ему специфику своего словоупотребления. Т.е. пока не утрачен навык перевода нового языка российской политики на «иностраный», западный политический язык. Но долго ли этот навык сохранится? А самое главное, общество-то, в отличие от кремлевских специалистов не владеет этими хитростями перевода! Картина мира, которая предписывается ему этим политическим языком, сама по себе становится фактом социальной реальности.

В конечном итоге, очевидно, что разговоры о разрыве с «Западом» отнюдь не означают поиска альтернативы капиталистической системе. Как раз наоборот. Вся самобытность свелась к воспроизводству модели государственного капитализма, ориентированной на опыт СССР. Что, конечно, не удивительно. Но если можно было говорить об СССР как о разновидности госкапитализма, системе, обслуживавшей слой управленческой бюрократии, которая базировалась на социалистической системе собственности, то теперь госкапиталистические отношения воспроизводит себя уже на фундаменте частной буржуазной собственности. Способна ли эта система трансформироваться в европейскую модель «социального государства» — это еще открытый вопрос. Но уже сейчас можно видеть, что это будет государство, в котором бюрократия будет чувствовать себя не хуже, чем в советском обществе.

---

¹⁵ Гоббс Т. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 167-168.

¹⁶ Словечно «суверенная» здесь не является продуманным понятием, отсылающим к какой-то определенной политической доктрине. Видимо, необходимо было подобрать какое-то прилагательное к слову «демократия», которое бы указывало на то, что в России она особая.